УДК 821.161.1

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ В РАННЕЙ ЛИРИКЕ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Павлова Т.Л.

Технический институт, филиал ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», Нерюнгри, e-mail: pavlova-sizykh@yandex.ru

Настоящая статья посвящена исследованию экзистенциально-психологического конфликта в ранней лирике Марины Цветаевой. Доказывается, что данный тип конфликта доминирует в ее ранних лирических произведениях. Природа экзистенциального конфликта связывается со специфической ценностной точкой зрения лирической героини, которая оказывается носителем альтернативной миру системы ценностей. Он моделируется противопоставлением человека и мира, которое чаще всего сопровождается мотивным комплексом экзистенциальной покинутости, отчуждённости и одиночества. Еще одна оппозиция, которая моделирует целый ряд экзистенциальных лирических конфликтов в поэзии Цветаевой, это противопоставление жизни и смерти. Противопоставление интенсивной жизни и смерти и конфликт, с ним связанный, особенно ярко проявляется в лирике второй половины 1910-х годов выдающейся поэтессы 20 века Марины Цветаевой.

Ключевые слова: конфликт, лирическая героиня, оппозиция, антиномии

EXISTENSIAL AND PSYCHOLOGICAL CONFLICT IN THE EARLY LYRICS BY MARINA TSVETAEVA

Pavlova T.L.

Technical institute, branch of the North-Eastern federal university named after M.K. Ammosov, Neryungri, e-mail: pavlova-sizykh@yandex.ru)

The present article is concerned with the analysis of existential and psychological conflict in the early lyrics by Marina Tsvetaeva. It is proven that this type of conflict dominates in her early lyric works. The nature of the existential conflict is connected to the narrator's value view whose alternative value system is contrary to the world. The opposition of a person and the world represents it. It is usually accompanied with the motive complex of existential abandonment, aloofness and loneliness. The opposition of life and death also represents a set of existential lyric conflicts in Tsvetaeva's poetry. Marina Tsveateva's works of the latter half of 1910s demonstrate the opposition of intensive life and death with the conflict.

Keywords: conflict, narrator, opposition, antinomy

В данной статье представлено исследование одного из типов конфликтов, а именно экзистенциально-психологического, присущих творчеству Марины Цветаевой. Конфликт представляет собой некую «точку сборки», где перекрещиваются основные семантические векторы цветаевской поэзии.

Природа экзистенциально-психологического конфликта в лирике Цветаевой связывается со специфической ценностной точкой зрения лирической героини, которая на уровне поэтики воплощается в ее пространственном положении: лирическая героиня по своему существу оказывается носителем альтернативной миру системы ценностей, именно поэтому в большинстве случаев героиня находится вне традиционной системы координат, в погранично-экзистенциальном положении.

Источник большинства экзистенциальных конфликтов обнаруживается в душе героини, именно поэтому этот тип конфликта в основе своей имеет психологическую подоплеку. Каким же образом экзистенциальный конфликт связывается с психологическим? Душа героини полна трагических противоречий, которые на уровне модели мира соотносятся с системой бинарных оппозиций, а на уровне текста связываются с антитезами. Эта внутренняя противоречивость проецируется во внешний мир, в результате чего возникают те или иные экзистенциальные конфликты. Тем не менее в некоторых стихотворениях эта психологическая противоречивость выходит на первый план. Именно так происходит в стихотворении «Безумье – и благоразумье…», в первых строфах которого говорится о внутренних противоречиях в душе лирической героини:

Безумье – и благоразумье,
Позор – и честь,
Все, что наводит на раздумье,
Все слишком есть -

Во мне. – Все каторжные страсти
Свились в одну! -
Так в волосах моих – все масти
Ведут войну!
[4, 234]

Казалось бы, что «классический» романтический выход из такой ситуации заключается в предпочтении одной стороны бытия, идеальной. Однако следует помнить,

что о романтизме Цветаевой следует говорить лишь с приставкой «нео». В этом случае она, скорее, следует сугубо модернистскому призыву, в соответствии с которым душа художника должна познать мир как целое. Ср. хрестоматийный призыв Брюсова: «И Господа и Дьявола хочу прославить я». Именно такой подход к противоречиям часто принимается Цветаевой (что, естественно, не отменяет и иного способа разрешения оппозиций, чисто романтического).

Несомненно, что один из важнейших конфликтов экзистенциального плана в лирике Цветаевой – это романтическое противостояние человека *и* мира, которое с необходимостью приводит к появлению мотива одиночества. В таких стихотворениях отчетливо вырисовывается определенный лирический «сверхсюжет», составными частями которого становятся следующие элементы: деление мира на две пространственные сферы, отчуждение героини от мира настоящего, чувство одиночества, возникающее вследствие конфликта отчуждения, и уход в иную реальность. Все элементы этого сюжета, внутренним двигателем которого становится романтический экзистенциальный конфликт, появляются в стихотворении «В Париже».

Здесь лирическая героиня вследствие конфликта между ней и миром настоящего ощущает свое одиночество в парижской толпе, и «большому и радостному Парижу» противопоставляется внутреннее пространство дома, которое связывается с идеей затворничества [2].Однако «дом» – не единственное воплощение иного, настоящего мира в этом стихотворении, еще одной его реализацией становится онейрическое пространство сна. Тем не менее, несмотря на уход героини из внешнего пространства шумного города, погружение ее в сон, экзистенциальный конфликт, связанный с противопоставлением человека и мира, в стихотворении никак не разрешается, чем и объясняется финальный его мотив, мотив боли. Ср.:

В большом и радостном Париже
Мне снятся травы, облака
И дальше смех, и тени ближе,
И боль как прежде глубока.
[4, 28]

Похожий семантический набор возникает и в другом «парижском» стихотворении «В Шенбрунне». Однако здесь экзистенциальный конфликт уходит на второй план, уступая место фрагментарному лирическому сюжету на исторические темы.

Конфликтогенное противопоставление мира и героини появляется в стихотворении «Вы, идущие мимо меня…». На это противопоставление накладывается традиционный для романтического мироощущения конфликт людского множества и отдельной личности. При этом данное недифференцированное множество обозначается (как, заметим, часто у Маяковского) – презрительным «вы».

Этот достаточно общий конфликт может проходить по «разным ведомствам». В данном случае он связывается с более частной оппозицией «интенсивная жизнь – обыкновенная жизнь», а также с противопоставленностью разных типов мироощущения: радостное восприятие жизни здесь оппозиционно мировосприятию трагическому.

Вы, идущие мимо меня
К не моим и сомнительным чарам, -
Если б знали вы, сколько огня,
Сколько жизни, растраченной даром,

И какой героический пыл
На случайную тень и на шорох...
– И как сердце мне испепелил
Этот даром истраченный порох!
<…>
Почему мои речи резки
В вечном дыме моей папиросы, -
Сколько темной и грозной тоски
В голове моей светловолосой.
[4, 179]

Одним из важнейших противопоставлений, которое моделирует целый ряд экзистенциальных лирических конфликтов в поэзии Цветаевой, становится противопоставление жизни и смерти. Включенность лирической героини в это противопоставление обусловливает несколько способов его разрешения и соответственно инспирирует несколько типов лирического конфликта. Один из самых распространенных его типов связывается с мотивом умирания лирической героини после того, как ее бросает возлюбленный. Такой классический мифопоэтический конфликт любви и смерти разворачивается в стихотворении «Он приблизился, крылатый…»:

Незамеченный он вышел,
Слово унося важнейшее из слов.
Но его никто не слышал -
Твой предсмертный зов!

Затерялся в море гула
Крик, тебе с душою разорвавший грудь.
Розовая, ты тонула
В утреннюю муть...
[4, 175]

Другой вариант такого конфликта предстает в стихотворении «Посвящаю эти строки…», где героиня полностью отрицает неизбежность смерти. Сам конфликт в стихотворении связывается с тем, что лириче-

ская героиня не желает умирать, так как не хочет «быть как все». Твердое стремление избежать этой общей участи приводит к появлению мотива бессмертия – могиле неподвластно все то, что любила и чем жила лирическая героиня:

Посвящаю эти строки
Тем, кто мне устроит гроб.
Приоткроют мой высокий
Ненавистный лоб.
<…>
Не увидят на лице:
«Все мне слышно! Все мне видно!
Мне в гробу еще обидно
Быть как все».
<…>
Знаю! – Все сгорит дотла!
И не приютит могила
Ничего, что я любила,
Чем жила.
[4, 176]

Иное разрешение этого конфликта представлено в стихотворении «Идешь, на меня похожий…», где возникает противостояние живой жизни и смерти, которая все уничтожает. Однако залогом снятия этого конфликтного противопоставления становится идея памяти, которая реализуется в древнейшем архетипическом мотиве голоса из-под земли. Обладательницей этого голоса становится «умершая» лирическая героиня, которая, вступая в разговор с «прохожим», оказывается парадоксально живой:

Как луч тебя освещает!
Ты весь в золотой пыли...
– И пусть тебя не смущает
Мой голос из-под земли.
[4, 177]

Экзистенциальный конфликт романтического типа, связанный с противопоставлением жизни смерти, появляется и в стихотворении «Молитва», где он достигает своего предельного развития и обусловливает парадоксальную смысловую структуру текста. Лирическая героиня стихотворения по своему типу оказывается близка романтическому женскому типу: она жаждет романтической интенсивности ощущений и желает почувствовать жизнь во всей ее полноте. Однако парадоксальным образом эта жажда жизни оборачивается в финале желанием смерти [1].Ср.:

Люблю и крест и шелк, и каски,
Моя душа – мгновений след…
Ты дал мне детство – лучше сказки
И дай мне смерть – в семнадцать лет.
[4, 33]

Это трагическое противостояние жизни и смерти в стихотворении связывается с внутренней дисгармоничностью самой героини, а сам психологический конфликт представляет собой «смешанное» стремление одновременно к Эросу и Танатосу. Эти противоречия в своем типологическом аспекте, несомненно, восходят к романтическому дискурсу, где романтический герой всегда оказывался носителем целой системы противоречий, которые в текстах романтиков развертывались в разнообразные типы конфликтов.

Мотив глобальной дисгармоничности бытия появляется и в стихотворении, где реанимируются жанровые установки эпитафии. «Жизнеописание» героя строится в соответствии с цветаевским неоромантическим каноном: герой не принимал мира, был связан с ангелами и детьми. Однако к духовному облику здесь добавляется еще одна существенная черта, которая позднее обусловит особенный тип экзистенциального конфликта, связанного с богоборчеством. Ср. в этом стихотворении:

Не смял звезды сирени белоснежной,
Хоть и желал Владыку побороть…
Во всех грехах он был – ребенок нежный,
И потому – прости ему, Господь!
[1, 53]

Смерть, органично включаясь в «конфликтосферу» лирики Цветаевой, выполняет еще одну важную функцию в формировании лирических конфликтов экзистенциального порядка. Практически все конфликты в поэтическом мире Цветаевой оказываются трагически неразрешимыми. Однако в некоторых случаях Цветаева обращается к универсальному способу, снимающему все противоречия и разрубающему Гордиев узел любого конфликта, – к мотиву смерти. Смерть, таким образом, выступает в двойной ипостаси. С одной стороны, Цветаева отрицает ее, так как она связана с забвением, с другой же стороны, смерть становится всеобщим «примирителем», снимающим любой конфликт. Такова семантическая роль смерти в стихотворении «Я знаю правду! Все прежние правды прочь!..», где эта идея выражена в четкой афористичной формуле: «И под землею скоро уснем мы все, / Кто на земле не давали уснуть друг другу» [4, 245].

Близость смерти делает острее переживания жизни, заставляет ощутить саму ткань существования. И на стыке этих разнонаправленных тенденций рождается очередной парадоксальный психологический конфликт, связанный одновременно *с* желание героини ощутить жизнь во всей ее полноте *и* с ее желанием умереть. Думается, что его психологическая мотивировка может быть следующей: близость жизни и смерти делает острее жизнь и желаннее смерть. Именно эта внутренняя конфликтная про-

тиворечивость души лирической героини отражена в стихотворении «Цветок к груди приколот…»:

Выстрелом на охоте
И бубенцами троек -
Зовете вы, зовете
Нелюбленные мной!

Но есть еще услада:
Я жду того, кто первый
Поймет меня, как надо -
И выстрелит в упор.
[4, 246]

Противопоставление интенсивной жизни и смерти и конфликт, с ним связанный, особенно ярко проявляется в лирике второй половины 1910-х годов. И если в более ранней поэзии интенсивная жизнь связывалась с радостной стихийной свободой, и, как правило, противопоставлялась тюрьме, то теперь ситуация радикальным образом переменилась. Жизненный «интенсив» и полнота переживаний соотносятся с мотивом внутреннего разрушения и опустошения, пира во время чумы. Именно поэтому сам лирический конфликт в этих стихотворениях выстраивается на пресуществлении оппозиции «жизнь – смерть». Так, центральный конфликт стихотворения «А пока твои глаза…» строится на антиномии разгула стихийной, чувственно-телесной «наполненной» жизни и гибели:

А пока твои глаза
– Черные – ревнивы,
А пока на образа
Молишься лениво –
Надо, мальчик, целовать
В губы – без разбору.
Надо, мальчик, под забором
И дневать и ночевать.
[4, 353]

Этот же конфликт присутствует в стихотворениях «Горечь! Горечь! Вечный привкус…», «И зажег, голубчик, спичку…», «Але», «Собрались льстецы и щеголи…» и др.

Доминирующим типом конфликта в ранней лирике Цветаевой становится экзистенциально-психологический. Природа его кроется в ценностной точке зрения лирической героини, которая на уровне поэтики воплощается в ее пространственном положении. Лирическая героиня оказывается носителем альтернативной миру системы ценностей, именно поэтому в большинстве случаев героиня находится вне традиционных координат.

Обращает на себя внимание, что этот конфликт связывается с более общей оппозицией, исключительно репрезентативной для поэтического мира Цветаевой, – противопоставление статики динамике. Динамика в мире Цветаевой наделяется всегда положительным знаком, что связано, может быть, с психотипом самой поэтессы, чья жизнь предполагала непрерывное движение, «развитие и созидание, не останавливающееся ни на минуту» [3].

Экзистенциально-психологический тип конфликта в представленных стихотворениях Цветаевой моделируется противопоставлением человека и мира, которое в чаще всего сопровождается мотивным комплексом экзистенциальной покинутости, отчужденности и одиночества.

Другим важнейшим противопоставлением, которое конституирует целый ряд экзистенциальных лирических конфликтов в поэзии Цветаевой, становится противопоставление жизни и смерти.

Список литературы

1. Бабенко Н.Г. Нестандартная сочетаемость в поэтическом языке М. Цветаевой // Борисоглебье Марины Цветаевой: Шестая цветаевская междунар. науч-тематическая конф. (Москва, 9-11 октября 1998 г.): сб. докл. – М.: ДМЦ, 1999. – С. 187-190.

2. Боровикова М. Поэтика М. Цветаевой (лирика конца 1900–1910-х годов): дис. …канд. филол. наук. – Тарту, 2011. – 148 с.

3. Кудрова И.В. Версты, дали…: Марина Цветаева; 1922-1939. – М.: Советская Россия, 1991. – С. 61.

4. Цветаева М. Неизданное. Сводные тетради. – М.: Эллис Лак, 1997. – 640 с.